

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ
Ночи 719–1001

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.22
ББК 84(5Ирп)-44
Т 93

Перевод с арабского, статья и примечания
Михаила Салье

Иллюстрации Николая Ушина

Руководитель проекта Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Леона Карре

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

*Издательство выражает благодарность
Дмитрию Владимировичу Пархутину за помощь,
оказанную при подготовке настоящего издания.*

ISBN 978-5-389-08709-5

© М. А. Салье (наследник), перевод,
статья, примечания, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

КНИГА
ТЫСЯЧИ
И ОДНОЙ
НОЧИ

ПОВЕСТЬ ОБ АРДЕШИРЕ И ХАЙТ-АН-НУФУС

ассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Ширазе великий царь по имени ас-Сейф-аль-Азам-Шах, и до великих дожил он годов, и не был наделен сыном. И собрал он врачей и лекарей и сказал им: «Мои годы стали велики, и вы знаете, каково мое состояние и состояние царства и его устройство.

Я боюсь за участь подданных после меня, ведь до сих пор не досталось мне сына». — «Мы изготовим тебе зелье, от которого будет польза, если захочет Аллах великий», — сказали лекари. И они приготовили для него зелье, и царь употребил его, а затем он пал на свою жену, и она понесла, по изволению Аллаха великого, который говорит вещи: «Будь!» — и она возникает. И когда исполнились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне, и царь назвал его Ардеширом, и мальчик рос и развивался и изучал богословие и светские науки, пока не стало ему пятнадцать лет жизни.

А был в Ираке один царь по имени Абд-аль-Кадир, и была у него дочь, подобная восходящей луне, и звали ее Хайт-ан-Нуфус. И она ненавидела мужчин, и никто не отваживался упоминать о мужчинах в ее присутствии, и сватались к ней у ее отца владыки Хосрои, и говорил с нею ее отец, но девушка отвечала: «Я не сделаю этого никогда, а если ты меня к этому принудишь, я убью себя».

И услышал царевич Ардешир молву о ней и осведомил об этом своего отца, и посмотрел царь на его состояние и пожалел его и по-

обещал ему, что поможет на ней жениться. А затем он послал своего везиря к отцу девушки, чтобы к ней посвататься, но тот отказал. И когда везирь вернулся от царя Абд-аль-Кадира и рассказал, что у него с ним случилось, и осведомил царя Шираза об отказе, царю стало из-за этого тяжело, и он разгневался великим гневом и воскликнул: «Когда подобный мне посылает к кому-нибудь из царей с просьбой, разве тот может ее не исполнить!»

И он велел глашатаю кричать в войсках, чтобы выставили палатки и делали многие приготовления, хотя бы пришлось для этого занять денег на расходы, и воскликнул: «Я не вернусь, пока не разрушу земель Абд-аль-Кадира, не перебую его людей, не сотру его следов и не захвачу его имущества!»

И когда дошла весть об этом до сына его Ардешира, он поднялся с постели и вошел к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал: «О царь величайший, не затрудняй себя ничем...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО СЕМИСОТ ДВАДЦАТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда до царевича дошла весть об этом, он вошел к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал ему: «О царь величайший, не затрудняй себя ничем, не собирай богатырей и воинов и не расходуй своих денег. Ты сильнее его. Когда ты соберешь против него это войско, которое с тобою, и разрушишь его землю и страну, убьешь его мужей и богатырей, захватишь его достояние, и убьешь его самого, дойдет эта весть и о том, что досталось ему и другим из-за тебя до его дочери, и она убьет себя, а я умру из-за нее и никогда не буду жить после нее». — «Каков же будет твой замысел, о дитя мое?» — спросил тогда царь. И Ардешир ответил: «Я отправлюсь за тем, что мне нужно, сам и оденусь в одежду купцов и ухитрюсь добраться до девушки, и посмотрю, как удовлетворить мое желание и сблизиться с ней». — «Ты избрал этот замысел?» — спросил его отец. И царевич ответил: «Да, о батюшка».

И тогда царь позвал везиря и сказал ему: «Поезжай с моим сыном, радостью моего сердца, и помогай ему в его намерениях и береги его и направляй твоим верным мнением. Ты будешь ему вместо меня». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом царь дал своему сыну триста тысяч динаров золотом и дал ему яхонтов, драгоценных камней, золотых изделий, товаров и сокровищ и того, что с этим сходно. И после того юноша вошел к своей матери и поцело-

вал ей руки и попросил ее помолиться, и она помолилась за него и тотчас поднялась и, открыв свою казну, вынула для сына сокровища, ожерелья, изделия из золота, одежды, редкости и все то, что сохранилось со времени прежних царей и чего не уравновесить деньгами. И царевич взял с собой невольников, слуг, животных и все, что бывает нужно в пути, со всем прочим, и принял обличье купца, вместе с везирем и теми, кто был с ними, и простился с родителями, родными и близкими. И они поехали, пересекая пустыни и степи в часы ночи и дня.

И когда продлилась для юноши дорога, он произнес такие стихи:

«Влюблен и тоскую я, и боль моя все сильней,
И нет против злой судьбы мне ныне помощника.

Плеяды я стерегу, взойдут лишь, и ас-Симак,
Как будто от крайней страсти стал богомольцем я.

За утренней я звездой слежу, а как явится,
Бросаюсь блуждать в тоске, и страсть лишь сильней моя.

Я вами клянусь! — любовь на ненависть не сменил,
И вечно не спит мой глаз, и страстью охвачен я.

Мне трудно желанного достигнуть, я изнурен,
И мало терпения без вас и помощников.

Я все же терплю, пока Аллах не сведет с тобой,
И ввергнет тем в горести врагов и завистников».

А когда он окончил свои стихи, его ненадолго накрыло беспмятство, и везирь побрызгал на него розовой водой. А когда Ардешир очнулся, он сказал ему: «О царевич, укрепи свою душу — за стойкостью следует облегчение — и вот ты идешь к тому, чего хочешь!» И везирь до тех пор уговаривал царевича и утешал его, пока не успокоил его волнения, и они ускорили ход. Когда же показался путь царевичу долгим, он вспомнил любимую и произнес такие стихи:

«Продлен отдаленья срок, тоска и любовь сильна,
И сердце мое горит в огне пламенеющем.

Седа голова моя — так сильно испытан я
Любовью, и слезы из глаз струею текут теперь.

Тебе, о мечта моя, желаний моих предел,
Клянусь я творцом вещей — среди них и листок и ветвь,

Я страстью обременен к тебе, о мечта моя, —
Которую вынести не могут влюбленные.

Вы ночь обо мне спросите — ночь вам поведает,
Смежались ли веки глаз дремотой в часы ночей».

А окончив говорить стихи, он заплакал сильным плачем и стал жаловаться на великую страсть, которую он испытывает, и начал везирь его уговаривать и утешать и обещал ему достижение желаемого. И они проехали немного дней и приблизились к Белому городу после восхода солнца, и тогда везирь сказал царевичу: «Радуйся, о царевич, полному благу и посмотри на этот Белый город, к которому ты направляешься». И царевич обрадовался сильной радостью и произнес такие стихи:

«О други мои, влюблен я сердцем, безумен я,
 Любовь продолжается, и вечно со мною страсть.
 Как друга утративший, не спящий, рыдаю я,
 Когда опустилась ночь, нет милостивых в любви.
 А если подуют ветры, с вашей земли несясь,
 Прохладу я чувствую, на душу сходящую.
 И веки мои текут, как тучи, дождь льющие,
 И в море излитых слез душа моя плавает».

А достигнув Белого города, они вошли и спросили, где хан купцов и квартал денежных людей. И когда их провели к хану, они поселились там и взяли для себя три амбара и, получив ключи, открыли амбары и внесли туда свои товары и вещи. И они оставались в хане, пока не отдохнули, а потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СЕМЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала семьсот двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь и царевич, поселившись в хане, внесли свои товары в амбары и посадили там своих слуг и жили в хане, пока не отдохнули. И потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича, и сказал ему: «Мне кое-что пришло на ум, и я думаю, что в этом будет для тебя благо, если захочет Аллах великий». — «О везирь благого разумения, делай то, что пришло тебе на ум, да направит Аллах твое мнение!» — ответил царевич. И везирь сказал: «Я хочу нанять для тебя лавку на рынке торговцев материей, и ты будешь в ней сидеть. Всякому — и знатному и простому — нужен рынок, и я думаю, что, когда ты сядешь и лавке и люди взглянут на тебя глазами, сердца склонятся к тебе, и ты станешь сильнее для достижения желаемого. Ибо образ твой красив, и умы склоняются к тебе, и возвеселятся из-за тебя глаза». — «Делай то, что ты избирешь и хочешь», — сказал царевич, и везирь тотчас же

поднялся и надел свое самое роскошное платье, и царевич тоже, и спрятал за пазуху кошель, где была тысяча динаров, и затем они вышли и пошли по городу. И люди смотрели на них и были ошеломлены красотой царевича и говорили: «Слава тому, кто сотворил этого юношу из ничтожной воды! Благословен Аллах, лучший из творцов».

И умножались разговоры о юноше, и люди говорили: «Это не человек, это не кто иной, как вышний ангел». А некоторые люди говорили: «Наверно отвлекся Ридван, хранитель рая, от райских ворот, и вышел из них этот юноша». И люди следовали за ними на рынок материй, пока они не дошли и не остановились. И тогда подошел к ним старец, внушавший почтение и полный достоинства, и приветствовал их, и когда они ответили на приветствие, он спросил: «О господи, есть ли у вас какая-нибудь нужда, которую мы будем иметь честь исполнить?» — «А кто ты будешь, о старец?» — спросил везирь. И старец ответил: «Я надзиратель рынка». И тогда везирь сказал: «Знай, о старец, что этот юноша — мой сын, и я желаю взять для него лавку на этом рынке, чтобы он сидел там и учился продавать и покупать, и брать, и отдавать, и усвоил бы свойства купцов». И надзиратель отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом в тот же час и минуту он принес им ключи от одной из лавок и приказал посредникам ее вымести, и те вымести лавку и почистили ее, а везирь послал принести для лавки высокое кресло, набитое перьями страусов, на котором лежал маленький молитвенный коврик, обшитый вокруг червонным золотом, и принес также подушку, и принес столько товаров и материй из тех, которые были с ним, что они наполнили лавку.

И когда настал следующий день, юноша пришел и отпер лавку и сел на кресло и поставил перед собой двух невольников, одетых в лучшие одежды, а в глубине лавки он поставил двух рабов из прекраснейших абиссинцев. А везирь наказал юноше скрывать свою тайну от людей, чтобы найти этим помощь для свершения своих дел, и затем он оставил его и отправился в амбары, наказав юноше, чтобы он осведомлял его обо всем, что будет происходить в лавке, день за днем.

И юноша сидел в лавке, подобный луне в ее полноте, и люди прослышали о нем и об его красоте и заходили к нему без нужды, чтобы посмотреть на его красоту и прелесть и стройность его стана, и прославляли Аллаха великого, который сотворил его и соразмерил, и никто не мог пройти по этому рынку из-за чрезмерного скопления людей перед юношей. А царевич осматривался направо и налево, не зная, что ему делать из-за людей, которые были им ошеломлены, и надеялся, что завяжет дружбу с кем-нибудь из приближенных

к правителю, и, может быть, это приведет к упоминанию о царской дочери, но не находил к этому пути, и его грудь стеснилась, а везир каждый день обнадеживал его, что он добьется желаемого.

И царевич провел таким образом очень долгий срок, и когда в один из дней он сидел в лавке, вдруг подошла женщина-старуха, чинная, почтенная и достойная, одетая в одежды праведности, и за нею шли две невольницы, подобные паре лун. И она остановилась возле лавки и некоторое время смотрела на юношу, а затем воскликнула: «Слава тому, кто сотворил это явление и завершил это творение!» И она пожелала юноше мира, и тот возвратил ей приветствие и посадил ее рядом с собою, и старуха спросила: «Из какой ты страны, о прекрасный лицом?» И царевич ответил: «Я из краев индийских, о матушка, и пришел в этот город, чтобы развлечься». — «Да будешь ты почтен среди приходящих!» — воскликнула старуха. И затем она спросила: «Какие есть у тебя товары, вещи и материи? Покажи мне что-нибудь красивое, подходящее для царей». И, услышав ее слова, юноша спросил ее: «Ты хочешь красивого? Я покажу его тебе. У меня есть все вещи, подходящие для их обладателей». — «О дитя мое, — сказала старуха, — я хочу что-нибудь дорогое ценой и красивое видом — самое высокое, что у тебя есть». И юноша воскликнул: «Ты непременно должна меня осведомить, для кого ты требуешь товар, чтобы я показал тебе вещь по сану покупателя!» — «Твоя правда, о дитя мое, — сказала старуха. — Я хочу чего-нибудь для моей госпожи Хайят-ан-Нуфус, дочери царя Абд-аль-Кадира, владыки этой земли и царя этой страны». И когда царевич услышал слова старухи, его ум взлетел от радости и сердце его затрепетало. Он протянул руку назад, не приказывая ни рабам, ни невольникам, и достав кошелек с сотнею динаров, дал его старухе и сказал: «Этот кошелек тебе на стирку одежды». А затем он протянул руку к узлу, вынул из него платье, стоящее десять тысяч динаров или больше, и сказал: «Это часть того, что я привез в вашу землю».

И когда старуха увидела платье, оно ей понравилось, и она спросила: «За сколько продашь это платье, о совершенный качествами?» И царевич ответил: «Бесплатно». И старуха поблагодарила его и повторила вопрос, и царевич воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму за него платы! Это — подарок тебе от меня, если царевна его не примет, и оно будет тебе от меня в знак гостеприимства. Слава Аллаху, который свел меня с тобою! Если мне когда-нибудь что-нибудь понадобится, я найду в тебе помощницу».

И старуха удивилась этим прекрасным словам и великой щедрости царевича и большому его вежеству и спросила его: «Как твое имя, о господин?» И царевич ответил: «Ардешир». И старуха вос-

кликнула: «Клянусь Аллахом, это имя диковинное, которым называют детей царских, а ты в обличье сыновей купцов!» — «Из любви ко мне назвал меня мой родитель этим именем, и имя ни на что не указывает», — ответил царевич. И старуха удивилась ему и сказала: «О сынок, возьми плату за твой товар», — но царевич поклялся, что ничего не возьмет, и тогда старуха сказала: «О мой любимый, знай, что правда — самая великая вещь, и эти милости, которые ты мне оказываешь, не иначе как из-за дела. Дай же мне узнать твое дело и тайные твои мысли — может быть, у тебя есть в чем-нибудь нужда, и я помогу тебе ее исполнить».

И тогда царевич положил свою руку в руку старухи, и взял с нее обет скрывать тайну, и поведал ей всю свою историю, и рассказал о своей любви к царевне и о том, что с ним из-за нее происходит. И старуха покачала головой и сказала: «Вот она — правда! Но только, о дитя мое, сказали разумные в ходячей пословице: «Если хочешь, чтобы тебя не слушались, проси того, что невозможно». Твое имя, о дитя мое, — купец, и будь у тебя ключи от волшебных кладов, тебя бы не называли иначе как купцом. Если ты хочешь достичь ступени выше, чем твоя ступень, проси дочери кади или дочери эмира; почему, о дитя мое, ты просишь только дочери царя времени и века? Она девушка невинная, девственная, которая ничего не знает о мирских делах и в жизни не видела ничего, кроме дворца, где она находится, но, при малых своих годах, она умная, разумная, острая, понятливая, с превосходным разумом, благими поступками и пронзительным мнением. Ее отцу досталась только она, и она для него дороже души. Он каждый день приходит к ней и желает ей доброго утра, и все, кто есть во дворце, ее боятся. Не думай же, о дитя мое, что кто-нибудь может заговорить с ней о чем-нибудь из этого, и нет для меня к этому пути. Клянусь Аллахом, о дитя мое, мое сердце и мои члены любят тебя, и я бы хотела, чтобы ты с ней остался. Я научу тебя кое-чему, может быть, Аллах сделает это исцелением твоего сердца; я подвергну опасности мою душу и мое достояние, чтобы исполнить твою нужду». — «А что это такое, о матушка?» — спросил царевич. И старуха ответила: «Проси у меня дочь везира или дочь эмира. Если ты у меня этого попросишь, я соглашусь на твою просьбу, — ведь никто не может подняться с земли на небо одним прыжком». И юноша ответил старухе разумно и вежливо: «О матушка, ты женщина умная и знаешь, как происходят дела. Разве человек, когда у него болит голова, перевязывает себе руку?» — «Нет, клянусь Аллахом, о дитя мое», — отвечала старуха. И Ардешир сказал: «Также и мое сердце не просит никого, кроме нее, и меня убивает одна лишь любовь к ней. Клянусь Аллахом, я буду в числе погибающих,

если не найду себе наставления и помощи! Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СЕМЬСОТ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала семьсот двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ардешир, сын царя, сказал старухе: «Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез». И старуха ответила: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, мое сердце разрывается из-за твоих слов, и нет у меня в руках хитрости, чтобы ее устроить». — «Я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне и поцеловала ей за меня руки», — сказал Ардешир. И старуха сжалась над ним и молвила: «Пиши на нем что хочешь, а я доставлю его царевне».

И когда юноша услышал это, он едва не взлетел от радости и, потребовав чернильницу и бумагу, написал девушке такие стихи:

«Будь ты щедрой, о жизнь души, на сближенье
Со влюбленным, растаявшим от разлуки.

В наслажденье я раньше жил, жил прекрасно,
Но сегодня взволнован я и растерян.

Не покинут бессонницей во всю ночь я,
Развлекает всю ночь меня только горе.

Пожалей же влюбленного, что горюет
И тоскою разъедены его веки.

А наступит рассвет, когда в самом деле
Опьяненным найдет его влагой страсти».

А окончив писать письмо, Ардешир свернул его и поцеловал и отдал старухе, и затем он протянул руку к сундуку и, вынув другой кошелек с сотней динаров, подал его женщине и сказал: «Раздай это невольницам». Но старуха отказалась и воскликнула: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, я с тобою не из-за чего-нибудь такого!» И юноша поблагодарил ее и сказал: «Это обязательно!» И старуха взяла у него кошелек и поцеловала ему руки и ушла.

она вошла к царевне и сказала: «О госпожа, я принесла тебе что-то, чего нет у жителей нашего города, и оно от красивого юноши, лучше которого нет на лице земли». — «О няня, а откуда этот юноша?» — спросила царевна. И старуха сказала: «Он из краев индийских, и он дал мне эту одежду, шитую золотом, украшенную жемчугом и драгоценностями, которая стоит царства Кисры и Кесаря». И когда она развернула эту одежду, дворец осветился из-за нее, так она была хорошо сделана и так много было на ней камней и яхонтов, и стали дивиться на нее все, кто был во дворце, и царевна посмотрела на нее и не нашла за нее цены или платы, кроме подати с земли царства ее отца за целый год.

«О нянюшка, — спросила она старуху, — это платье — от него или не от него?» — «Оно от него», — ответила старуха. И девушка молвила: «О няня, этот купец — из нашего города или иноземец?» — «Он иноземец, о госпожа, и поселился в нашем городе только недавно, — ответила старуха. — Клянусь Аллахом, у него есть слуги и челядь, и он прекрасен лицом, строен станом и благороден по качествам, с широкою грудью, и я не видела никого лучше, разве кроме тебя». — «Поистине, это удивительно! — сказала царевна. — Как может быть такая одежда, цены которой не покрыть деньгами, у купца из купцов? А каков размер платы за нее, о которой он тебе говорил, о нянюшка?» — «О госпожа, — ответила старуха, — он не говорил мне о плате, а только сказал: «Я не возьму за нее платы, и эта одежда —

подарок от меня царевне: она никому не подходит, кроме нее». И он отдал назад золото, которое ты со мной послала, и поклялся, что не возьмет его, и сказал: «Оно твое, если царевна его не примет». — «Клянусь Аллахом, это большое великодушие и великая щедрость, и я боюсь, что исход этого дела приведет к беде, — сказала царевна. — Почему ты не спросила его, о нянюшка, нет ли у него в чем-нибудь нужды, чтобы мы ему исполнили ее?» — «О госпожа, — ответила старуха, — я спрашивала его и говорила: «Есть у тебя нужда?» И он сказал: «У меня есть нужда», — но не осведомил меня о ней и только дал мне этот листок и сказал: «Передай его царевне».

И девушка взяла у старухи листок и развернула его и прочитала до конца, и изменился ее вид, и исчезло ее разумение, и пожелтел цвет ее лица, и она сказала старухе: «Горе тебе, о няня, как зовут этого пса, который говорит такие слова царской дочери, и какая связь между мною и этим псом, что он мне пишет. Клянусь великим Аллахом, владыкой Земзема и аль-Хатыма, если бы я не боялась Аллаха, — велик он! — я бы послала к этому псу, чтобы связать ему руки, вырвать ноздри и отрезать нос и уши, и изуродовала бы его, а потом распяла бы на воротах рынка, в котором находится его лавка».

И когда старуха услышала эти слова, цвет ее лица пожелтел, и у нее задрожали поджилки, и оцепенел язык, но потом она укрепила свое сердце и сказала: «Добро, о госпожа! А что же такое в этом листке, что он тебя так взволновал? Разве там не прошение, которое купец подал тебе, жалуясь на свое положение из-за бедности или несправедливости и надеясь на милость от тебя или раскрытие обиды?» — «Нет, клянусь Аллахом, о нянюшка, — ответила царевна, — наоборот, это стихи и бесчестные слова. Этот пес, о нянюшка, видно, пребывает в одном из трех положений. Либо это бесноватый, у которого нет разума, и он стремится к убиению своей души, либо ему в его нужде оказывает помощь человек с большою силою и великой властью, либо он услышал, что я — одна из блудниц этого города, которые ночуют у того, кто их позовет, одну ночь или две, — он ведь посылает мне бесчестные стихи, чтобы смутить этим мой разум». — «Клянусь Аллахом, о госпожа, ты права! — сказала старуха. — Но не занимай себя этим глупым псом. Ты живешь в своем дворце, высоком, возвышенном и неприступном, до которого не поднимаются птицы и не пролетает над ним воздух, смущенный его высотой. Напиши ему письмо и выбрани его, не оставляя ни одного из способов брани, угрожай ему крайними угрозами и предложи ему смерть. Скажи ему: «Откуда ты меня знаешь, что пишешь мне, о пес из купцов, о тот, кто весь век мечется в степях и пустынях для наживы дирхема

или динара? Клянусь Аллахом, если ты не проснешься от сна и не очнешься от опьянения, я распну тебя на воротах рынка, где находится твоя лавка!» — «Я боюсь, что, если я напишу ему, он на меня позарится», — отвечала царевна, и старуха воскликнула: «А каков его сан и какова его степень, чтобы он на нас позарился! Мы напишем ему только для того, чтобы пресеклось его желание и усилился его страх».

И она до тех пор хитрила с царевной, пока та не приказала принести чернильницу и бумагу и не написала юноше такие стихи:

«О ты, притязающий на страсть и тоску, без сна
Ночами страдающий в мечтах и волнении,

Ты требуешь от луны, обманутый, близости,
Но разве получит кто желанное от луны?

Тебя я наставила словами, так слушай же:
Брось это! Поистине меж смертью ты и бедой!

И если вернешься вновь ты к просьбам, поистине
Постигнет тебя мученье очень жестокое.

Разумным будь, вежливым, догадливым, сведущим!
Тебе я совет дала в стихах и речах моих.

Клянусь сотворившим я все вещи из ничего,
Лик неба украсившим блестящими звездами, —

Коль вновь возвратишься ты к словам, тобой сказанным,
Тебя на стволе распну я крепкого дерева!»

И потом она свернула письмо и отдала его старухе, и та взяла его и пошла и, придя к лавке юноши, отдала ему письмо...

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СЕМЬСОТ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала семьсот двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха взяла письмо у Хайят-ан-Нуфус и шла, пока не отдала его юноше, который был у себя в лавке. «Читай ответ, — сказала она ему, — и знай, что, когда царевна прочитала письмо, она разгневалась великим гневом, и я смягчала ее разговорами, пока она не дала тебе ответа». И юноша с радостью взял письмо, и прочитал его, и понял его смысл, а окончив чтение, он заплакал сильным плачем, и сердце старухи заболело, и она воскликнула: «О дитя мое, да не заставит Аллах плакать твои глаза и да не опечалит твое сердце! Что может быть мягче, чем ответить на твое письмо, раз ты совершил такие поступки?» —

«О матушка, а какую мне сделать хитрость, тоньше этой, раз она присылает мне угрозы убить меня и распять и запрещает писать ей? — сказал юноша. — Клянусь Аллахом, я считаю, что смерть лучше, чем жизнь. Но я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне». — «Пиши, а на мне лежит ответ», — сказала старуха. «Клянусь Аллахом, я подвергну опасности свою душу, чтобы достигнуть желаемого, даже погибну, чтобы тебя удовлетворить».

И юноша поблагодарил старуху и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

«Вы мне угрожаете убийством за страсть мою, —
Убитым я отдохну, а смерть суждена мне.

Влюбленному смерть приятней, если продлилась жизнь,
И гонят всегда его и вечно ругают.

Придите к влюбленному, защиты лишённому, —
Стремленья людей к добру всегда прославляют,

А если решитесь вы на дело, так делайте —
Я раб ваш, а все рабы в плену пребывают.

Как быть мне, коль без тебя терпенья не нахожу?
Как сердцу влюбленного при этом быть целым?

Владыки, помилуйте в любви к вам болящего,
Ведь всякий, кто полюбил свободных, — оправдан».

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей два кошелька, в которых было двести динаров, но она отказалась их взять, и юноша стал заклинать ее, и она взяла деньги и сказала: «Я обязательно приведу тебя к желаемому, наперекор носу твоих врагов!»

И старуха пошла и вошла к Хайят-ан-Нуфус и отдала ей письмо, и царевна спросила: «Что это такое, о нянюшка? Мы оказались в обмене посланиями, а ты ходишь туда и назад! Я боюсь, что наше дело раскроется, и мы будем опозорены». — «А как так, о госпожа, и кто может говорить такие слова?» — сказала старуха, и девушка взяла у нее письмо, прочитала его и поняла его смысл, и тогда она ударила рукой об руку и воскликнула: «Поразило нас это бедствие! Мы не знаем, откуда пришел к нам этот юноша». — «О госпожа, — сказала старуха, — ради Аллаха, напиши ему письмо, но только будь с ним груба в словах и скажи ему: «Если ты пришлешь письмо после этого, я отрублю тебе голову!» — «О нянюшка, — ответила царевна, — я знаю, что это таким образом не кончится, и самое подходящее — не писать. И если этот пес не отступится из-за прежних угроз, я отрублю ему голову». — «Напиши ему письмо и осведоми его об

этом», — сказала старуха. И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала, угрожая ему, такими стихами:

«О ты, забывающий превратности злой судьбы,
 Чье сердце влюбленное желает сближенья,
 Взгляни, о обманутый, — достигнешь ли неба ты,
 И можешь ли ты достать до месяца светлого.
 Я сжарю тебя в огне, где пламя всегда горит,
 И будешь мечами ты разящими умерщвлен.
 До месяца расстоянье, друг мой, предальнее,
 И станет седой глава от дел, здесь таящихся.
 Прими же ты мой совет и страсть позабуди свою,
 От дел откажись таких, — они не подходят нам».

И она свернула письмо и подала его старухе, а сама была в диковинном состоянии из-за этих слов, и старуха взяла письмо и шла, пока не принесла его юноше. И она отдала ему письмо, и Ардешир взял его и прочитал и опустил голову к земле, чертя по полу пальцем и ничего не говоря. И старуха спросила: «О дитя мое, почему это ты не обращаешься с речью и не даешь ответа?» — «О матушка, — отвечал Ардешир, — что я скажу, когда она угрожает и становится лишь более жестокой и неприязненной?» — «Напиши ей в письме что хочешь, а я буду тебя защищать, и станет твоему сердцу вполне хорошо, и я непременно сведу вас», — сказала старуха. И Ардешир поблагодарил ее за милость и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

«Аллах, защити сердца, к влюбленным не мягкие,
 И любящего, сближенья с милым ждущего!
 И веки очей, от слез покрытые язвами,
 Когда покрывает их спустившейся ночи мрак.
 Так сжальтесь и смилуйтесь и будьте щедры к тому,
 Кого изнурила страсть в разлуке с любимую!
 Лежит он всю ночь, не зная сна или отдыха,
 Сгорел он, хоть в море слез давно погрузился он.
 Желаний не пресекай ты сердца! Поистине
 Тоскует в плену оно, трепещет в руках любви!»

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей триста динаров, говоря: «Это тебе на мытье рук». И старуха поблагодарила его и поцеловала ему руки и отправилась, и она вошла к царевне и отдала ей письмо. И девушка взяла его и прочитала до конца и отшвырнула прочь и поднялась на ноги и пошла в башмачках из золо-

та, украшенных жемчугами и драгоценными камнями. И она прошла во дворец к своему отцу (а жила гнева поднялась у нее меж глаз, и никто не отваживался спросить ее, что с ней) и, придя ко дворцу, спросила, где царь, ее родитель, и невольницы и наложницы сказали: «О госпожа, он выехал на охоту и ловлю».

И она возвратилась, точно кровожадный лев, и ни с кем не заговорила раньше чем через три часа, когда ее лицо прояснилось и утих гнев. И когда старуха увидела, что прошло охватившее ее огорчение и гнев, она подошла к ней и поцеловала землю меж ее рук и спросила: «О госпожа, куда направляла ты свои благородные шаги?» — «Во дворец моего отца», — ответила царевна, и старуха молвила: «О госпожа, а разве никто не мог исполнить твоего повеления?» — «Я выходила только для того, чтобы осведомить его о том, что случилось у меня с этим псом из купцов, и отдать его во власть моему отцу, чтобы он его схватил и всех, кто есть на рынке, и распял бы их на лавках и не позволил бы никому из купцов и чужеземцев оставаться в нашем городе», — отвечала девушка. «Ты ходила к твоему отцу, о госпожа, только по этой причине?» — спросила старуха. И девушка ответила: «Да, но я не нашла его здесь, а увидела, что он отсутствует и выехал на охоту и ловлю, и ожидаю его возвращения». — «Прибегаю к Аллаху, слышащему, знающему! — воскликнула старуха. — О госпожа, слава Аллаху, ты самая умная из людей, и как ты осведомишь царя об этих вздорных словах, которых никому не подобает разглашать?» — «А почему нет?» — спросила царевна, и старуха сказала: «Допусти, что ты нашла бы царя в его дворце и осведомила бы его об этих речах, он послал бы за купцами и велел бы их повесить на их лавках, и люди увидели бы их, и все стали бы спрашивать и говорить: «Почему их повесили?» И мы им сказали бы в ответ: «Они хотели испортить царскую дочь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СЕМЬСОТ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала семьсот двадцать четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала царевне: «Допусти, что ты осведомишь об этом царя и он прикажет повесить купцов. Разве люди не увидят и не спросят: «Почему их повесили?» — и им не скажут в ответ: «Они хотели испортить дочь царя». И люди станут передавать о тебе разные рассказы, и некоторые скажут: «Она сидела у них десять дней, исчезнув из дворца, пока они ею не насытились», — а другие скажут иное, а честь, о госпожа, как молоко —

малейшая пыль ее грязнит, и как стекло — когда оно треснет, его не скрепить. Берегись же рассказывать твоему отцу или кому другому об этом деле, чтобы не опорочить свою честь, о госпожа, и осведомление людей об этом деле не принесет тебе никакой пользы. Разберись в этих словах своим совершенным разумом, и если не найдешь их правильными, делай что пожелаешь».

И когда царевна услышала от старухи эти слова, она обдумала их и нашла до крайности верными и молвила: «То, что ты сказала, о нянюшка, правильно, и гнев ослепил мне сердце». — «Твое намерение прекрасно для Аллаха великого, раз ты никому не расскажешь, — сказала старуха, — но осталась еще одна вещь. Мы не станем молчать о бесстыдстве этого пса, низжайшего из купцов. Напиши ему письмо и скажи ему: «О низжайший из купцов, если бы не случилось так, что царь отсутствует, я бы тотчас же приказала распять тебя и всех твоих соседей. Ничто из этого тебя не минует. Клянусь великим Аллахом, если ты вернешься к подобным речам, я срежу твой след с лица земли». И будь с ним грубой в речах, чтобы отвратить его от такого дела, и пробуди его от беспечности». — «А разве он отступится от того, что делает, из-за таких слов?» — сказала царевна. И старуха ответила: «А как ему не отступить, когда я поговорю с ним и осведомлю его о том, что случилось?»

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала юноше такие стихи:

«Надеждою привязался к близости с нами ты
И хочешь от нас теперь желанное получить.

Убит человек бывает лишь слепотой своей,
И то, чего жаждет он, его приведет к беде.

Султаном ведь не был ты и не был наместником.
Ни силы нет у тебя, ни мощных сторонников,

И если бы сделал так один из подобных нам,
От ужасов и боев он стал бы совсем седым.

Но все же прошу теперь я то, что содеял ты, —
Быть может, от сей поры во всем ты раскаешься».

И она подала письмо старухе и сказала ей: «О нянюшка, удержи этого пса, чтобы я не отрубила ему голову и мы бы не впали из-за него в грех». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, о госпожа, я не оставлю ему бока, чтобы перевернуться».

И она взяла письмо и пошла с ним и, придя к юноше, приветствовала его. И Ардешир возвратил ей приветствие, и тогда она подала

ему письмо. И юноша взял его и прочитал и покачал головой и воскликнул: «Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! — А потом сказал: — О матушка, что мне теперь делать, когда малым стало мое терпение и ослабла моя стойкость?» — «О дитя мое, — сказала старуха, — внуши себе терпение: может быть, Аллах свершит после этого дело. Напиши ей то, что у тебя на душе, а я принесу тебе ответ. Успокой свою душу и прохлады глаза, я непременно сведу тебя с ней, если захочет Аллах великий».

И Ардешир пожелал старухе блага и написал девушке письмо, в котором заключались такие стихи:

«Когда не найду в любви и страсти я лекаря, —
 А страсть убиение и смерть мне приносит, —
 Мне пламя огня в груди придется тогда терпеть
 Порою дневной, а в ночь не лягу на ложе я.
 Почто не боюсь тебя, желаний моих предел,
 И то, что в любви терплю, терпеть соглашаюсь?
 Просил я у господина престола прощения —
 Ведь страстью к красавицам повергнут я в гибель, —
 Чтоб скоро сближение послал он на радость мне,
 Ведь ужасами любви теперь поражен я».

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и выложил ей кошелек с четырьмястами динаров, и она взяла все это и ушла. И она пришла к царской дочери и отдала ей письмо, но девушка не взяла его от нее и спросила: «Что это за листок?» И старуха ответила: «Это ответ на письмо, которое ты послала этому псу купцу». — «Ты запрещаешь ему, как я тебя учила?» — спросила царевна. И старуха молвила: «Да, и вот его ответ».

И царевна взяла от нее письмо и прочитала его до конца, а потом она обернулась к старухе и сказала: «Где же польза от твоих слов?» — «О госпожа, в том, что он говорит в ответе, что отступился и раскаялся и извиняется за прежнее», — ответила старуха. И царевна воскликнула: «Нет, клянусь Аллахом! Наоборот, он еще прибавил!» — «О госпожа, — сказала старуха, — напиши ему письмо, и ты скоро узнаешь, что я с ним сделаю». — «Мне нет нужды ни в письме, ни в ответе», — молвила девушка. И старуха воскликнула: «Необходимо ответить, чтобы я его выбрала и пресекла его надежду». — «Пресеки его надежду, не беря с собою письма», — сказала царевна. И старуха молвила: «Чтобы выбрать его и пресечь надежду, мне надо захватить письмо».

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала Ардеширу такие стихи:

«Продлились укоры, но упрек не сдержал тебя,
А сколько писала я стихов, запрещая!
Скрывай же свою любовь, ее не высказывай,
А будешь ослушником — тебя не покрою.
И если вернешься ты к речам, тобой сказанным,
Глашатай о гибели твоей возвестит нам.
И ветры ты над собой увидишь летящие,
И птицы в песках пустынь к тебе соберутся.
Вернись же к делам благим, — наступит спасение,
А хочешь ты мерзости — тебя погублю я».

А окончив писать, она бросила листок, гневная, и старуха взяла его и пошла. И она пришла к юноше, и тот взял у нее письмо и, прочитав его до конца, понял, что царевна не смягчилась к нему и стала лишь еще более гневной и что он ее не достигнет. И пришла ему в сердце мысль написать ей ответ и призвать на нее зло, и он написал ей такие стихи:

«Господь, пятью старцами молю я — спаси меня
От той, что повергла меня любовью в несчастья!
Ты знаешь ведь, что во мне любовный огонь горит,
И болею я из-за той, в ком нет ко мне жалости.
Она не смягчается ко мне в моих бедствиях —
Продлятся ль над слабостью моей притеснения?
Блуждаю в пучинах я любви и влечения к ней,
Помощника не найду, о люди, чтоб мне помочь.
И часто на ложе сна, как спустится мрак ночной,
Лежу и рыдаю я и тайно и явно.
В любви к вам не вижу я ни в чем утешения,
И как мне утешиться, коль стойкости нет в любви?
О птица разлуки, расскажи мне — свободна ли
Она от превратностей судьбы и несчастья!»

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей кошелек с пятью сотнями динаров, и она взяла листок и ушла. И она вошла к царевне и отдала ей листок, и когда девушка прочитала его и поняла, она бросила его и сказала: «Осведоми меня, о злая старуха, о причине всего того, что случилось со мною из-за тебя и твоих козней и похвал ему! Я пишу для тебя листок за листком, и ты все вре-

мя носишь от нас послания, так что устроила ему с нами переписку и всякие истории. Ты все время говоришь: «Я избавлю тебя от его зла и прерву его речи к тебе, — но говоришь это только для того, чтобы я написала ему письмо, и ты ходишь между нами туда и сюда, так что опорочила мою честь. Горе вам, эй, слуги, схватите ее!»

И она велела слугам бить старуху, и те били ее до тех пор, пока кровь не потекла из всего ее тела и ее не покрыло беспамятство. И тогда царица велела невольницам ее вытащить, и старуху вытащили за ноги в конец дворца. И царица приказала одной из невольниц стоять возле старухи и, когда она очнется от забытья, сказать ей: «Царица дала клятву, что ты не вернешься в этот дворец и не войдешь в него, а если ты вернешься, она велит тебя убить, разрубив на куски». И когда старуха очнулась от забытья, невольница передала ей, что сказала царица, и старуха ответила: «Внимание и повиновение!» А потом невольницы принесли корзину и велели носильщику снести старуху к ней, и носильщик поднял старуху и доставил ее домой, и царица послала к ней лекаря и велела ему заботливо лечить старуху, пока она не поправится. И лекарь послушался ее приказания, и когда старуха оправилась, она села и поехала к юноше, а тот сильно опечалился из-за того, что она его покинула, и тосковал по вестям о ней. И, увидев старуху, он поднялся и встал для нее и встретил ее и пожелал ей мира, и увидел, что она ослабела. И он спросил ее, что с ней, и старуха рассказала ему обо всем, что случилось у нее с царевной, и юноше стало из-за этого тяжело, и он ударил рукою об руку и воскликнул: «Клянусь Аллахом, тяжело мне то, что с тобою случилось! Но какова причина того, о матушка, что царица ненавидит мужчин?»

дитя мое, — сказала старуха, — знай, что у нее прекрасный сад, лучше которого нет на лице земли, и случилось, что она спала в нем в одну ночь из ночей. И когда царевна была в сладком сне, она вдруг увидела сновидение: как спустилась она в сад и заметила охотника, который расставил сети и рассыпал вокруг пшено и сел поодаль, смотря, какая попадет в сети дичь. И прошло не более часа, и собрались птицы, подбирая пшено, и попала в сети птица-самец и стала в них биться. И птицы разлетелись от него, и в числе их была его самка, но она удалилась от него на недолгое время и вернулась к нему и, подлетев к сети, стала трудиться над той петелькой, в которую попала нога птицы, и до тех пор старалась над ней клювом, пока не разорвала ее и не освободила своего самца. А охотник при всем этом сидел и дремал. И он очнулся и посмотрел на сеть и, увидев, что она испорчена, поправил ее и снова рассыпал пшено и сел вдалеке от сети. И через некоторое время птицы собрались возле нее, и в числе их была та самка с самцом. И птицы подошли клевать зернышки, и вдруг самка попала в сеть и стала в ней биться, и все голуби отлетели от нее, и среди них был ее самец, которого она спасла, и он к ней не вернулся. А охотника одолел сон, и он проснулся только через долгое время, и, проснувшись от сна, он увидел птицу, которая была в сети, и поднялся и, подойдя к ней, высвободил ее ноги из сети и убил ее. И царевна проснулась, испуганная, и сказала: «Так-то поступают мужчины с жен-

щинами! Женщина жалеет мужчину и бросается к нему, когда он в беде, а потом, когда определит ей владыка и она попадает в беду, мужчина проходит мимо нее, не освобождая ее, и пропадает благо, которое она ему сделала. Прокляни же Аллах того, кто доверяется мужчинам! Они не помнят блага, которое оказывают им женщины». И с того дня она стала ненавидеть мужчин».

«О матушка, — спросил царевич старуху, — разве она никогда не выходит на дорогу?» — «Нет, о дитя мое, — отвечала старуха, — но у нее есть сад (а это лучшее место для прогулок в наше время), и каждый год, когда созреют в нем плоды, она сходит и гуляет там один день. А ночует она только в своем дворце и входит в сад только через потайную дверь, которая ведет в сад. Я хочу кое-чему научить тебя, и если захочет Аллах, для тебя будет в этом благо. Знай, что до времени плодов остался один месяц, и тогда царевна спустится погулять в сад, и я наказываю тебе: сегодня же пойдешь к садовнику этого сада и завяжи с ним дружбу и любовь. Он не дает никому из созданий Аллаха великого войти в этот сад, так как он примыкает ко дворцу царевны, а когда царевна сойдет в сад, я осведомлю тебя об этом за два дня, и ты пойдешь туда, по твоему обычаю, и войдешь в сад и ухитришься там переночевать. И когда царевна сойдет, ты спрячешься в каком-нибудь месте...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СЕМЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала семьсот двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха научила царевича и сказала ему: «Царевна спустится в сад, и за два дня до ее выхода я уведомя тебя. И когда она спустится, ты будешь там и спрячешься в каком-нибудь месте. Когда ты увидишь ее — выходи к ней; увидев тебя, она тебя полюбит, а любовь покрывает все. И знай, о дитя мое, что, если бы она тебя увидела, она бы наверное пленилась любовью к тебе, так как ты красив видом. Прохлади же глаза и успокой свою душу, о дитя мое, — я непременно сведу тебя с нею».

И царевич поцеловал старухе руку и поблагодарил ее и дал ей три отреза александрийского шелка и три отреза атласа разных цветов, и с каждым отрезом был и другой кусок на шальвары и платок на повязку и баальбекская материя на подкладку, так что у старухи оказались три полных перемены платья, одна лучше другой. И царевич дал ей кошелек с шестьюстами динаров и сказал: «Это на шитье». И старуха взяла все это и спросила: «О дитя мое, хочешь ли ты знать

дорогу к моему дому и чтобы я тоже знала, где ты живешь?» И царевич отвечал: «Да». И послал с ней невольника, чтобы тот узнал, где ее жилище, и показал ей его дом. И когда старуха отправилась, царевич вышел и велел своим слугам запирать лавку и пошел к везирию и осведомил его о том, что случилось у него со старухой, от начала до конца, и, услышав слова царевича, везирь сказал: «О дитя мое, а если Хайят-ан-Нуфус выйдет и не будет тебе от нее благоприятной встречи, что ты тогда сделаешь?» — «У меня не будет в руках иной хитрости, как перейти от слова к делу, — ответил царевич. — Я подвергну себя с нею опасности и похищу ее среди ее слуг и посажу ее, сзади, на моего коня и направлюсь с ней в ширь пустынной степи, и если я спасусь — желаемое достигнуто, а если погибну, то отдохну от этой жалкой жизни». — «О дитя мое, — сказал везирь, — разве с таким умом ты проживешь? Как мы поедем, когда между нами и нашей страной далекое расстояние, и как ты сделаешь такие дела с царем из царей времени, под властью которого сто тысяч поводьев? Нам, может быть, грозит, что он прикажет кому-нибудь из своих войск пресечь нам дороги. Это не полезное дело, и его не совершит разумный». — «Как же поступить, о везирь благого разума? Я несомненно умру», — молвил царевич, и везирь сказал: «Потерпи до завтра, пока мы не увидим этого сада и не узнаем, каковы там обстоятельства и что произойдет у нас с садовником».

И когда наступило утро, везирь поднялся с царевичем и положил за пазуху тысячу динаров, и они шли, пока не дошли до сада, и увидели, что стены его высоки и крепко сложены, и деревья в нем многочисленны, и каналы полноводны, и плоды прекрасны, и цветы в нем благоухали, и птицы в нем распевали, и был он подобен саду из райских садов. А за воротами его был человек — престарелый старец, который сидел на скамье. И когда он увидел их и заметил их почтенный вид, он поднялся на ноги, после того как они пожелали ему мира, и вернул им пожелание и сказал: «О господа мои, может быть, у вас есть нужда, которую я почту за честь исполнить?» И везирь ответил: «Знай, о старец, что мы люди чужеземные, и зной опалил нас, и жилище наше далеко, в конце города. Мы желаем, чтобы ты, твоя милость, взял эти два динара и купил нам чего-нибудь поесть и открыл бы нам ворота этого сада, и мы бы могли посидеть в тени, где есть холодная вода, и прохладиться, пока ты принесешь нам еду. Мы поедем с тобою и тем временем отдохнем и уйдем своей дорогой».

И потом везирь сунул руку за пазуху и, вынув два динара, положил их в руку садовника, а этому садовнику было семьдесят лет жиз-

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус (<i>ночи 719–738</i>).....	7
Сказка о Бедр-Басиме и Джаухаре (<i>ночи 738–756</i>)	65
Сказка о Сейф-аль-Мулуке (<i>ночи 756–778</i>)	114
Сказка о Хасане басрийском (<i>ночи 778–831</i>)	188
Сказка о рыбаке Халифе (<i>ночи 831–845</i>)	332
Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф (<i>ночи 845–863</i>)	378
Сказка о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице (<i>ночи 863–894</i>)	440
Сказка о саидийце и франкской женщине (<i>ночи 894–896</i>)	554
Сказка о юноше и невольнице (<i>ночи 896–899</i>)	560
Сказка о Джиллиаде и Шимасе (<i>ночи 899–930</i>).....	569
Сказка об Абу-Кире и Абу-Сире (<i>ночи 930–940</i>)	671
Сказка об Абд-Аллахе земном и Абд-Аллахе морском (<i>ночи 940–946</i>)	702
Сказка об Абу-ль-Хасане из Омана (<i>ночи 946–952</i>)	721
Рассказ об Ибрахиме и Джамиле (<i>ночи 952–959</i>).....	739
Рассказ об Абу-ль-Хасане из Хорасана (<i>ночи 959–963</i>)	760
Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира (<i>ночи 963–978</i>)	779
Рассказ об Абд-Аллахе ибн Фадиле (<i>ночи 978–989</i>)	832
Рассказ о Маруфе-башмачнике (<i>ночи 989–1001</i>)	875
Рассказ о царе Шахрияре и Шахразаде (заключение)	928

ХАЛИФ НА ЧАС

Новые сказки из книги «Тысячи и одной ночи»

<i>М. А. Салье. Забытые страницы «Тысячи и одной ночи» .....</i>	933
Халиф на час, или Рассказ про Абу-ль-Хасана-кутилу	946
Сказка о Зейне аль-Аснаме, сыне султана Басры	1010
Рассказ о юноше из сумасшедшего дома	1027
Рассказ про Ала-ад-дина и заколдованный светильник	1062
Сказка о персидском враче	1123
Рассказ про Али-Бабу и сорок воров и невольницу Марджану, полностью и до конца	1150
Рассказ о царе Бахтзаде, его сыне и десяти везирях	1194
Примечания. <i>М. А. Салье</i>	1259

Т 93   **Тысяча и одна ночь.** Книга третья : Ночи 719–1001 / пер. с араб. М. Салье. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 1280 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-08709-5

Редкая книга может сравниться по красоте и увлекательности со сказками «Тысячи и одной ночи», чей замысловатый текст напоминает хитроумные узоры персидских ковров. Трогательные повести о романтических влюбленных, увлекательные рассказы о героических путешествиях, забавные повествования о хитростях коварных жен и мести обманутых мужей, сказки о джиннах, коврах-самолетах, волшебных светильниках — эти удивительные, захватывающие, таинственные, зачастую лишенные налета скромности произведения воплощают всю прелесть и красоту средневекового Востока!

Перевод на русский язык сказок «Тысячи и одной ночи», выполненный Михаилом Салье и передающий все своеобразие и колорит оригинала, давно считается классическим. Однако полного издания этого выдающегося труда до сих пор не было. Пришло время исправить это досадное упущение! Предлагаем читателям собрание сказок, выверенное по классическому восьмитомнику 1929–1939 годов, а также другим редким публикациям, с восстановлением всех цензурных сокращений. Издание сопровождается иллюстрациями замечательного петербургского художника Николая Алексеевича Ушина, за которые он получил Золотую медаль на Всемирной выставке 1937 года, проходившей в Париже.

В третью книгу вошли сказки, рассказанные Шахразадой в 719–1001-ю ночи. Также в том включены сказки, не вошедшие в классическое восьмитомное собрание. Среди них такие известные сюжеты, как «Халиф на час», «Рассказ про Ала-ад-дина и заколдованный светильник», «Рассказ про Али-Бабу и сорок воров» и другие.

УДК 821.22

ББК 84(5Ирп)-44

Литературно-художественное издание

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ночи 719–1001

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Обработка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Ксении Шевелевой
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Наталья Бобкова

Подписано в печать 26.05.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 80. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-ILN-16717-01-R